

На правах рукописи

ТОПИЛИН Данил Игоревич

**РУССКИЙ КОСМИЗМ В МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ
РУБЕЖА XIX–XX ВВ.**

Специальность 17.00.02 Музыкальное искусство

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата искусствоведения

Москва – 2019

Работа выполнена в Российской академии музыки имени Гнесиных

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, профессор
Масловская Татьяна Юрьевна

Официальные оппоненты: **Скворцова Ирина Арнольдовна**
доктор искусствоведения, профессор,
Московская государственная консерватория
имени П.И. Чайковского,
заведующая кафедрой истории русской музыки

Титова Елена Викторовна
кандидат искусствоведения, доцент,
Санкт-Петербургская государственная
консерватория имени Н.А. Римского-Корса-
кова, заведующая кафедрой теории музыки

Ведущая организация: Государственный музыкально-педагогический
институт имени М.М. Ипполитова-Иванова

Защита состоится 15 октября 2019 года в 17 часов на заседании диссертационного совета Д 210.012.01, созданного на базе Российской академии музыки имени Гнесиных (121069, Москва, ул. Поварская 30–36).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Российской академии музыки имени Гнесиных <https://gnesin-academy.ru/nauka/dissertatsionnyj-совет/2019-4>

Автореферат разослан «__» _____ 2019 года

Ученый секретарь

диссертационного совета

Пилипенко

Нина Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Цивилизационный феномен *русского мира* на рубеже XIX–XX вв. представляется необъятным простором единения достижений искусства: создается метафорическая карта с не менее сложным устройством, чем политическая. За прошедшее более чем столетие с даты крушения Российской империи и начала длительного кардинального переустройства культурных ориентиров существенно изменилось отношение к прежнему наследию творцов: трансформация научной картины мира на протяжении XX века сопровождалась появлением обновленных искусствоведческих ракурсов. Междисциплинарная научная экспликация проблем русской культуры отличается пребыванием в состоянии вечной дискуссионности, в равной степени относимой и к изучаемому историческому периоду, и к естественной сменяемости, ибо каждая уходящая эпоха оставляет неповторимые, вновь актуализирующиеся аспекты рассмотрения сходных проблем. Музыкальные сочинения как своеобразный «национальный код» в период наивысшего культурного расцвета несут крайне важный смысл: музыка кристаллизует художественную целостность русского мира.

Изучение сущности национальных культур – одна из важнейших проблем современной науки в целом. При необходимом применении разностороннего подхода, основанного на сочетании достигнутого в культурологии, философии, истории возникает особая трудность подобных исследований; кроме того, постоянный процесс переосмысления существующих научных постулатов создает дополнительную сложность. Русская культура – одно из самых сложных явлений в мировом эволюционном процессе, что определяется специфическим соединением западноевропейских и восточных тенденций.

В начале XIX века впервые скрестились мнения о подлинном русском пути, включая культуру и геополитику, что в 1830–1840-е гг. привело к дискуссии славянофилов и западников. Отстаивание подчас полярных позиций относи-

тельно будущности русского мира не прерывалось вплоть до революционных событий начала XX столетия и, по существу, продолжается поныне. Момент достижения вершины в отечественном искусстве на рубеже XIX–XX вв. ознаменовался уникальным, не имеющим мировых подобий, порождением *русского космизма* как главного течения русской философско-религиозной мысли, соединившего философию, религию, науку и культуру.

Русский космизм – сплав славянофильско-западнических воззрений в опоре на немецкую идеалистическую философию явился результатом многовекового, особо значимого для России, эстетико-философского взаимодействия с Германией. Сущность космизма – в идее всеобщего единения человечества с Вселенной. Кристаллизовавшееся в отечественной культуре на протяжении XIX века великогуманное *мессианское* предназначение России в служении миру и феномен *мистериальности*¹ имеют глубокое родство с центральной идеей космизма.

На протяжении долгого времени в науке складывалось толкование космизма, но до настоящего момента дефиниция остается неполной. Процесс проникновения космизма в музыку, в отличие от литературы, гораздо более сложно уловим для научного классифицирования, что привело к необходимости анализа творческого наследия русских композиторов классической эпохи для последовательного выстраивания отраженных и подчас скрытых космических идей.

Русский космизм на рубеже XIX–XX вв. складывается из множества трактовок, что исключает единую системность. Однако масштабные помыслы Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, спроецированные на музыкально-философские идеи А.Н. Скрябина, приобретают объединяющий стержень.

Цель исследования – представить музыку отечественных композиторов важнейшей составляющей феномена русского космизма.

¹ См.: Куранова Ю.А. Модус мистериальности в музыкальном театре И.Ф. Стравинского («Весна священная», «Персефона», «Потоп») : дис. ... канд. иск. : 17.00.02. М., 2017. 249 с.; Макарова А.Л. Мистериальные прообразы в оперном творчестве П.И. Чайковского : дис. ... канд. иск. : 17.00.02. Екатеринбург, 2017. 260 с.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть общественную ситуацию первой половины XIX века: формирование полярных представлений о подлинном русском пути; определить основные космические идеи русских мыслителей и ученых последней трети XIX – начала XX века: Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского.
2. Ввести и обосновать понятие *квинтэссентное пространство* (или *квинтэссентность*).
3. Сопоставить завершающие, нередко последние, итоговые сочинения русских композиторов классического периода для осмысления историко-культурного процесса формирования квинтэссентного пространства.
4. Проследить взаимосвязь философии русского космизма и музыкального наследия русских композиторов рубежа XIX–XX вв.

Объект исследования – формирование феномена русского космизма в музыкальной культуре второй трети XIX – рубежа XIX–XX вв.

Предмет исследования – композиторское наследие А.Н. Скрябина и Н.К. Метнера в аспекте проблемы русского космизма.

Материал исследования образует три группы. В первую входят музыкальные сочинения русских композиторов – М.И. Глинки, А.П. Бородина, М.П. Мусоргского, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, С.В. Рахманинова, особенно А.Н. Скрябина и Н.К. Метнера, а также Р. Вагнера в качестве историко-культурной панорамы. В русле рассмотрения проблемы русского космизма особое внимание в диссертации уделяется наследию А.Н. Скрябина и Н.К. Метнера. В процессе обоснования термина квинтэссентное пространство русской музыки специальное внимание уделяется именно квинтэссентным произведениям названных классиков отечественной музыкальной культуры, что есть основание для **ограничения материала**.

Вторая группа – эстетико-философское наследие представителей славянофильства и западничества, прежде всего, П.Я. Чаадаева, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, а также К.С. Аксакова и И.С. Аксакова; произведения русских

и немецких писателей-философов: Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Т. Манна, Г. Гессе, а также И.А. Гончарова. Третью группу образуют философские работы русских мыслителей и ученых, представителей русского космизма – Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, а также немецких философов – Ф. Шеллинга и Ф. Ницше. Материал исследования выбран в соответствии с поставленными задачами: анализ славянофильско-западнической полемики, рассмотрение центральных идей мыслителей-космистов, обоснование термина квинтэссентное пространство, прослеживание линии русско-немецкого эстетико-философского взаимодействия применительно к отечественному музыкальному искусству XIX – рубежа XIX–XX вв.

Степень разработанности темы исследования. Всеобъемлющий феномен русского космизма, особенно после падения социалистических устоев, получил отражение в исследованиях, посвященных различным ракурсам проблемы; известны работы С.Р. Аблеева, М.А. Абрамова, Т.В. Абрамовой, Н.В. Башковой, Е.В. Введенской, В.Н. Дёмина, Н.М. Ефимовой, Н.В. Исаковой, О.В. Кашириной, Г.П. Ковалевой, Д.В. Платоновой, Е.Е. Пурто, И.П. Савельевой, И.Ю. Салминой, Е.А. Трофимовой, Л.П. Филенко, Л.И. Хохловой и многих других – доминирует философско-культурологический ракурс.

Первоисточки философской природы космизма исследовались в работах А.И. Алешина, В.В. Байдина, Е.И. Бобринской, В.В. Зеньковского, Б.В. Емельянова, Ю.В. Линника, А.Д. Московченко, Л.В. Шапошниковой и др.; особое значение имеют историко-философские позиции А.Ф. Лосева и Н.О. Лосского.

Междисциплинарный характер экспликации проблемы русского космизма нередко связывается с литературоведческой аналитикой отечественных писателей-философов, особенно Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого: рассмотрение сложнейших дефиниций с применением философского ракурса характерно для литературоведческих трудов М.М. Бахтина, Г.Д. Гачева, А.Г. Гачевой, В.П. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, С.Г. Семёновой.

Космизм в музыкальной культуре рубежа XIX–XX вв. стал предметом культурологического исследования И.П. Савельевой²; автор работы определяет истоки музыкального космизма, опираясь на широкий круг источников. Однако культурологический анализ не обладает специальным инструментарием для детального и тщательного рассмотрения произведений русских композиторов-классиков. Социальный миропорядок России в исследовании И.Ю. Салминой³ представлен как один из главных факторов, способствующих формированию универсальности философских идей русского космизма; в работе подчеркивается слитность космических представлений, отраженных в отечественном искусстве, в частности в поэзии, прозе, живописи, музыке и храмовой архитектуре, однако в силу изначально обозначенных границ исследования специальное детальное внимание музыкальному искусству не уделяется. Космизм как культурно-мировоззренческая универсалия рассматривается в диссертации Е.А. Трофимовой⁴ на основе соотнесения научных достижений культурологии, философии, педагогики, андрагогики с искусством, литературой и архитектурой; роль конкретно музыкального искусства в становлении и развитии космических идей остается косвенной. В недавней работе Л.П. Филенко⁵ термин и концепт «русский космизм» трактуется как часть отечественного философского мыслительного аппарата: начиная со второй половины XX века «космизм» граничит с понятиями-концептами «проект», «жизнь», «смерть», «бессмертие», «ноосфера» и др.

Корпус научной литературы о русской музыке XIX – рубежа XIX–XX вв., где в различных планах поднимается вопрос сущностного определения национального, представляется необъятным. В свете причастности отечественной музыкальной культуры к явлению космизма особое значение имеют работы

² Савельева И.П. Идеи космизма в музыкальной культуре Серебряного века. Нижневартовск, 2009. 127 с.

³ Салмина И.Ю. История формирования идей философии космизма в русской культуре : дис. ... канд. философских наук : 09.00.03. Мурманск, 2005. 150 с.

⁴ Трофимова Е.А. Космизм в русской культуре Серебряного века : дис. ... докт. философских наук : 24.00.01. СПб., 2015. 350 с.

⁵ Филенко Л.П. Русский космизм: социокультурный проект и рациональный конструкт : дис. ... канд. философских наук : 09.00.13. Белгород, 2012. 181 с.

Е.В. Лобанковой, А.Л. Макаровой, А.В. Парина, М.П. Рахмановой, Л.А. Серебряковой, О.А. Скрынниковой.

Исследование О.А. Скрынниковой⁶ посвящено оперному наследию Н.А. Римского-Корсакова, представляемому через призму идей славянского космоса, отличного от космичности А.Н. Скрябина. Мифы, ритуалы и сказания как важнейшие опоры в оперных концепциях поэтапно анализируются в соотношении с музыкальным воплощением. Формирование национальных русских образов, идей и символов – в основе работы Е.В. Лобанковой⁷. Автор предпринимает попытку историко-социологического анализа постепенной кристаллизации феномена национального на примере русской музыкальной культуры классического периода.

Изучение феномена русской культуры затрагивается во многих областях гуманитарного знания, включая различные области искусствознания, теории культуры, культурологической практики, однако музыка в подобных работах, как правило, далеко не всегда занимает доминантные позиции при составлении цельной картины русского мира.

Важные мысли о национальном творчестве заключены в музыковедческих работах М.Г. Арановского, Б.В. Асафьева, В.Б. Вальковой, А.И. Кандинского, Е.М. Левашова, В.В. Медушевского, М.П. Рахмановой, И.А. Скворцовой, И.В. Степановой.

Особое внимание эстетико-философским и общегуманитарным проблемам в русско-немецком диалоге культур уделяли многие отечественные и зарубежные исследователи: А.В. Ахутин, А.И. Володин, Б. Гройс, Г. Даам, А. Игнатов, Р. Лаут, В.С. Малахов, А.Н. Медушевский, Э. Мюллер, А.М. Песков, Г. Рормозер, В.П. Шестаков; известны историографические работы Д.Г. Ломтева, А. Шваба.

⁶ Скрынникова О.А. Славянский космос в операх Н.А. Римского-Корсакова. Воронеж, 2016. 160 с.

⁷ Лобанкова Е.В. Национальные мифы о русской музыкальной культуре от Глинки до Скрябина. СПб., 2014. 416 с.

В одухотворенных поэтических эссе К.Д. Бальмонта обозначен особый ракурс толкования А.Н. Скрябина как итогового выразителя русского мира, что отчасти продолжено В.Г. Каратыгиным; позднее появляются «классические» работы Л.Л. Сабанеева, последняя треть XX – начало XXI веков ознаменовалась крупными исследованиями И.Ф. Бэлзы, В.Ю. Дельсона, В.В. Рубцовой, С.Р. Федякина. В разнообразных ракурсах творчество автора «Прометей» представлено у Л.А. Акопяна, А.А. Альшванга, В.П. Дерновой, Д.В. Житомирского, Т.Н. Левой, А.В. Оссовского, И.И. Соллертинского, Ю.Н. Холопова. В последние годы появились работы А.И. Масляковой, Е.Е. Рощиной, Д.А. Шумилина.

На протяжении XX века в отечественном музыкознании Н.К. Метнер редко становился предметом специального исследования; к значительным работам второй половины XX — начала XXI вв. относится монография Е.Б. Долинской; сборник воспоминаний, статей, материалов и изданные письма под редакцией З.А. Апетян; новая монография Е.Б. Долинской⁸. На рубеже XX–XXI вв. интерес существенно возрастает; возникают инновационные идеи включения Метнера в разные контексты и русской, и зарубежной музыки: ценные мысли высказаны в работах К.В. Зенкина, Е.А. Кондратьева, С.Р. Федякина, Х. Фламма, А. Шваба, а также в отдельных статьях и монографии об Э.К. Метнере М. Юннгрена.

Научная новизна заключена в подходе к заявленной проблеме: детальное рассмотрение необходимых для обоснованного системного наблюдения аспектов историко-культурного контекста формирования русского космизма, включая дискуссии славянофилов и западников, а также немаловажный, укорененный в отечественной почве, русско-немецкий философский диалог культур, общегуманитарные пересечения России и Западной Европы – последовательный путь к итоговости русского мира до 1917 года.

Новизна также заключается в попытке определения эволюционной картины русского мира XIX – рубежа XIX–XX вв. с позиций русского космизма, представленного главным образом творчеством А.Н. Скрябина. Акцентируются

⁸ Долинская Е.Б. Николай Метнер. М., 2013. 328 с.

конкретные космические идеи, именно в музыке получившие явственное развитие, что рождает новый концепт в сфере музыковедения.

Для научного определения процесса эволюции отечественной музыкальной культуры, когда старый русский мир пребывал в естественном взаимообогащении художественными и философскими идеями, впервые в современном музыковедении вводится и обосновывается термин *квинтэссентное пространство* русской музыки⁹.

Гипотеза исследования. Славянофильско-западническая полемика существенно актуализирует метафорически существовавший ранее спор о подлинном русском пути, что во второй половине XIX века приводит к слиянию славянофильских и западнических позиций и рождению *русского космизма*, объединившего философию, религию, науку и культуру; одновременно индивидуализм творцов достигает высочайшего уровня концентрации – возникает *квинтэссентное пространство*, где космизм играет значимую роль, вбирая *мессианство* и *мистериальность*. *Квинтэссентность* – воплощение надмузыкальной сущности, максимальное приближение к «ответу» на вечный вопрос о национальном самоопределении России в глобальном историко-культурном процессе. Квинтэссентное пространство содержит неосознанную «ностальгию» по прежнему соборному этапу развития и одновременно означает наступление скорого спада в интенсивном историко-культурном развитии русского мира.

Мысли о квинтэссентности сложились в связи с детальным всесторонним анализом творческого наследия русских композиторов классического периода, в первую очередь, П.И. Чайковского и М.П. Мусоргского, Н.А. Римского-Корсакова и А.Н. Скрябина; а также при изучении философских произведений Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского; крупных литературно-фи-

⁹ *Квинтэссентное пространство* очевидно присутствует и в западноевропейской музыкальной культуре, однако рамки исследования не позволяют подробно остановиться на анализе творчества зарубежных композиторов.

лософских трудов Т. Манна с элементами историко-культурологической аналитики происходящего в мире, включая политику; художественные произведения Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Т. Манна, Г. Гессе.

Методология и методы исследования. Методологию диссертации составляет комплексный подход, во многом основанный на индивидуальном принципе соотнесения музыкально-теоретических и эстетико-философских наблюдений, что встречается в работах М.М. Бахтина, Г.Д. Гачева, В.П. Жирмунского, Ю.М. Лотмана, С.Г. Семёновой, посвященных рассмотрению глобальных проблем через призму русской литературы. Предмет исследования порождает сложный методологический сплав, состоящий как из общепринятых, так и из специфического принципа анализа, отсылающего, прежде всего, к трудам филолога и философа Г.Д. Гачева, чьи мысли изложены в опоре на разработанный метод экзистенциальной культурологии¹⁰; необходимо подчеркнуть уникальность подобного подхода в работах Г.Д. Гачева о национальных образах мира и, что крайне важно для настоящего исследования, данный подход в музыкальной науке особым образом преломляется ввиду сущности музыкальной культуры как таковой, рождается некий инновационный методологический подход, разработанный специально для настоящего исследования. Неоднократно Г.Д. Гачев расшифровывает собственный принцип мышления как дедукцию воображения или имагинативную дедукцию¹¹. А в данной диссертации каждая новая идея, возникающая в диссертации при анализе музыкального материала, вступает во взаимосвязь с ассоциациями не только музыкальными, но и с литературными образами и философскими концептами, близкими проблематике исследования.

Для детального анализа русской общественной ситуации первой половины

¹⁰ «Все мои трактаты о национальных космосах – внутри жизненно-философского дневника “жизнемыслей”. Так возделывается ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ. В ней переплетены трактат и исповедь, понятие и образ. Причем личная ситуационность не вообще, но и каждого поворота теоретизирующей мысли даже в сей день и настроении учитывается – ну, как мгновенная скорость в механике. Помесь Шпенглера с Розановым или с Прустом – такой тут жанр, а текст – факт и науки, и литературы» // Гачев Г.Д. Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией. М., 2019. С. 11.

¹¹ Там же. С. 12.

XIX века, т.е. важного периода формирования полярных представлений о подлинном русском пути, в частности в культуре, и для определения основных космических идей русских мыслителей и ученых последней трети XIX – начала XX века, Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, применяется исторический и структурный подходы. Введение и обоснование термина квинтэссентное пространство требует использования в целом доминирующих в диссертации герменевтического, компаративного и системного методов.

Данной работе в отечественном музыковедении XX – рубежа XX–XXI вв. отчасти близки методологические решения исследований Л.О. Акопяна, М.Г. Арановского, В.П. Бобровского, Т.Н. Левой, В.В. Медушевского, Е.В. Назайкинского, В.В. Рубцовой, Л.Л. Сабанеева, содержащих широкий спектр исторической и теоретической проблематики.

На защиту выносятся положения:

1. Ослабление доминирующей роли соборности в музыкальной культуре привело к независимому композиторскому мышлению и образованию квинтэссентного пространства.
2. Квинтэссентное пространство – высшая сфера «подсознательного диалога» русских композиторов.
3. Русский космизм в музыкальной культуре рубежа XIX–XX вв. распадается на четыре типа.
4. Творчество А.Н. Скрябина вобрало центральные космические идеи русских мыслителей и ученых, что выразилось в музыкально-философских концепциях и трансформации музыкального языка.

Теоретическая значимость. Концепция работы позволяет глубже осмыслить ход историко-культурного, эстетико-философского и художественного развития русского мира, выделить основополагающие этапы становления специфического отечественного мировоззрения применительно к искусству. Предпринята попытка нового осмысления явления космизма с проекцией в различные области гуманитарного знания, что может претендовать на весомую аргументацию

во вновь развернувшейся общественной дискуссии о национальных интересах России. Полученные результаты исследования могут способствовать расширению представления о русской музыке второй половины XIX – рубежа XIX–XX вв. Теоретическое значение диссертации также заключается в уточнении термина русский космизм применительно именно к отечественному музыкальному искусству второй половины XIX – рубежа XIX–XX вв., немаловажным является введение нового термина квинтэссентное пространство, используемое в работе как универсальный инструмент прослеживания глубинных пересечений между завершающими, итоговыми сочинениями русских композиторов. Предпринятая попытка классификации русского космизма в музыке способствует упорядоченному восприятию сложных процессов в художественном творчестве, воспринимаемых в контексте общей историко-культурной эволюции русского мира.

Практическая значимость. Выводы исследования могут включаться в программу прохождения предмета «История музыки» на музыковедческом и исполнительских факультетах.

Степень достоверности и апробация. Достоверность исследования обеспечена опорой на широко обозреваемый круг музыкальных источников, на корпус музыковедческих, исторических, культурологических, философских и филологических научных трудов XX – рубежа XX–XXI вв. Результаты исследования неоднократно обсуждались на заседаниях кафедры истории музыки Российской академии музыки имени Гнесиных. При подготовке диссертации осуществлен ряд публикаций в рецензируемых журналах «Музыковедение», «Музыка и время», «Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных». Период написания работы отмечен выступлениями на Всероссийских и Международных конференциях в Российской академии музыки имени Гнесиных, Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, Мемориальном музее А.Н. Скрябина, Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном институте культуры. На IV Всероссийском конкурсе научных работ молодых ученых в области куль-

туры и искусства, организованным Министерством культуры Российской Федерации, отдельные материалы исследования, представленные в виде развернутой научной статьи удостоились Первой премии в номинации «Музыкальное искусство». По теме диссертации существует одиннадцать статей, в том числе четыре опубликованы в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень ВАК.

Структура. Диссертация состоит из Введения; трех разделов, каждый делится на подразделы; Заключения; списка литературы, включающего 255 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, приводится степень научной разработанности проблемы, определяются цели, задачи, методологическая основа, теоретическая и практическая значимость исследования, формулируется научная новизна.

Первый раздел «ИСТОРИЧЕСКОЕ ФОРМИРОВАНИЕ САМОБИТНОСТИ РУССКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ» представляет панораму воззрений славянофилов и западников, что важно для осознания проблемы русского космизма в музыкальной культуре. Настораживающе звучат слова П.Я. Чадаева о *внеисторичности* России, избежавшей «всемирного воспитания человеческого рода»: существуя только в настоящем времени без «прекрасных воспоминаний» о прошлом, Россия не имеет внутренней опоры и не отягощена исторической памятью. Культивирование свободы и беспредельности возможностей, впервые обозначенное в славянофильской прозе А.С. Хомякова и позднее именованное Н.А. Бердяевым *пафосом свободы*, начнет развиваться и в полной мере отразится в искусстве на рубеже XIX–XX вв.

Славянофильство и западничество – противоборствующие лагеря, сосредоточившие по разные стороны лучшие умы времени: западники устремлены к ценностям Европы – славянофилы погружены в русский историзм; в итоге нельзя представить целостный русский мир без одного из направлений. Однако

очевидна парадоксальность: немецкая идеалистическая философия в равной мере повлияла на оба течения, что при внешней несовместимости позиций сближает мыслителей на глубинном уровне. Кантианские, гегелевские и шеллинговские «выси» идеализма словно высветили «темные», невоплощенные грани творчества самобытной Руси. Западноевропейская интеграция, начавшаяся с петровских реформ, открыла возможности для общего прогресса и использования собственного богатейшего потенциала, ранее практически неосознанного. Приблизиться к пониманию русского космизма возможно только после охвата обоих общественных движений, ибо процесс интенсивного развития мировоззренческого диалога привел к небывалому взлету искусства в конце XIX – начале XX вв. и паритетному историко-культурному взаимодействию России с Западной Европой.

Внимание концентрируется на *соборности* русского мира как центральном понятии славянофильской этики и доминирующей сущности художественного выражения. Православие включает врожденное чувство жертвенности, пронизывающее мессианское мироощущение в желании страдать за грехи всего мира; и вновь возникает парадокс. Страдание во искупление грехов ведет Россию к воплощению мессианства, однако по мере приближения к мессианскому предназначению христианство «растворяется» и русский мир обретает опасную «самостоятельность», «вседозволенность», что приведет к появлению именно в отечественной культуре самобытных творцов, нежелающих признать предельность собственных созидательных возможностей.

Начиная от первых образцов древнерусского церковного пения, стоящего на монодийном принципе мышления, закладывался соборный тип творчества. Распевщики Древней Руси не признавались композиторами вплоть до середины XVII века, что контрастирует с ситуацией в западноевропейском музыкальном мире: с XII века уже складываются первые композиторские школы. Крайне показательной стала трансляция западноевропейского многоголосия на русскую

почву во второй половине XVII века, что в итоге обернулось появлением «гиперболизированной» полифонии – духовных сочинений вплоть до сорокавосемиголосных.

В течение XVIII века русская музыкальная культура заимствовала западноевропейские жанры и стили; происходило рождение феномена национального композитора. Первым прорывом становится оперная концепция М.И. Глинки «Жизнь за царя» (1836), произведение уникальное во многих аспектах. Невозможно утверждать независимость Глинки от итало-франко-немецких канонов, однако именно «Жизнь за царя» начинает процесс индивидуализации в русской музыке – до рубежа XIX–XX вв. Соборный тип творчества теряет первоначальность, но глубокая потребность в духовной музыке сохраняется: вплоть до революции 1917 года и далее церковно-литургические произведения, подобно невидимому «божественному оку», создавались в тени индивидуальных композиторских концепций.

XIX – начало XX вв. – обогащение русской музыки новыми художественными мирами: каждый композитор вносил неповторимый вклад в выстраивание целостной картины русского мира. «Могучая кучка» – ответ соборности, идея создания общества едиотворцев; крушение «балакиревского кружка» оказалось неизбежным, акцент окончательно сдвинулся к оригинальному и независимому композиторскому мышлению.

Выстроенный К.Д. Бальмонтом грандиозный квартет гениев – Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М.А. Врубель, А.Н. Скрябин – подтверждение начавшегося «движения» вулканической почвы русской культуры. Сосредоточившись на добре как высшей религии, Толстой до конца жизни находился в противоречии с официальным православием. Достоевский мучительно проникал в глубины человеческой психики, создавал индивидуальные концепции героев, резко контрастирующих между собой; видел приближающуюся катастрофу русского мира в «Бесах». Врубель погрузился в метафорическое измерение, где категории добра и зла смещаются, становятся неразличимыми: падший ангел-демон – одно

из проявлений дьявольского начала – воспринимается как страдающий герой рубежа XIX–XX вв.: невероятные взаимопроникновения возникали на русской почве только в период «буйства» индивидуальности. Скрябин острее многих выразил идею перерождения русского мира, ведомую не божественной энергией, а ярчайшей дерзновенной композиторской индивидуальностью, впоследствии раскрывшейся в отказе от музыкальных традиций «кучкистов» и П.И. Чайковского. Произведения-манифесты Скрябина – Третья симфония «Божественная поэма» (1904), «Поэма экстаза» (1907) и «Прометей» (1910) – «вызов» соборности.

«Божественная поэма» словно соткана из обломков разрушаемого многовекового исторического существования русского мира, где впервые четко кристаллизуется метафорическая фигура, отчасти присутствующая и в ранних симфониях «на пути к Свету»: *человек-мессия-творец*¹². «Мистерия» – перерождение мира силами всеискусства, основанное на энергии личности творца; синтез индивидуализма и коллективности, фактически соборность достигается «анти-соборно».

Воплощение оригинальных идей привело к появлению высшей сферы «подсознательного диалога» – квинтэссентному пространству, что обосновывается во **втором разделе «КВИНТЭССЕНТНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОЙ МУЗЫКИ»**. Прослеживается ход эволюции от М.И. Глинки до А.Н. Скрябина, обосновывается понятие квинтэссентности в опоре на музыкальное наследие А.П. Бородина, М.П. Мусоргского, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова. Возникают музыкально-эстетические параллели: Чайковский – Мусоргский, Чайковский – Вагнер, Чайковский – Скрябин, Мусоргский – Скрябин, Римский-Корсаков – Скрябин, Римский-Корсаков – Вагнер. Идея мистериального крушения-перерождения трактуется в русле формирующейся индивидуальности русского мира.

¹² Обозначение не принадлежит А.Н. Скрябину: в исследовательских работах Б.В. Асафьева, И.Ф. Бэлзы, В.В. Рубцовой, С.Р. Федякина *герой* обозначается как *человек-бог, человек-творец, философ-музыкант-поэт* с разной степенью концентрации на составляющих понятия.

Славянофильско-западническая полемика, спроецированная на культуру, приобретает неисчерпаемый смысл для русского мира. Отечественные концепции в искусстве имеют глубинный след извечного спора и ответ космического миропонимания. Композиторы квинтэссентного пространства опять же выстраиваются в соответствии с воззрениями русских противоборствующих мыслителей. А.П. Бородин – русская эпическая бесконфликтность, богатырский размах, отточенность в передаче образов «русской восточности», былинный скок по покоренной степи, восточная неспешность мелодизма и немецкие симпатии. М.П. Мусоргский – наибольшая близость именно к славянофильству и прорывы в творчестве, равновеликие Западу, парадоксальное нежелание воспринять принципы итало-франко-немецкой классической гармонии и жанровую специфику, подлинная картина угнетенности русского народа, исторические катастрофы, переданные сквозь психологическую травмированность в красках уже новой музыки XX века. Н.А. Римский-Корсаков – постепенное движение навстречу Западу в прохождении немецких теоретических основ музыки, достижение уравновешенной чувственности в русском мире между Западом и Востоком, логическое осмысление русской христианско-языческой картины в оперных концепциях. П.И. Чайковский – русифицирование усвоенных немецких гармонических законов при гипертрофированном драматизме, обращенном в русло личностных переживаний. С.И. Танеев – служение идее необходимого прохождения этапов музыкальной культуры Европы с последующим воцарением национальной полифонии, сосредоточенность на западноевропейских жанрах и стилях, однако с неприятием современных общепризнанных обыденных реалий Запада. С.В. Рахманинов – гармония Запада и Востока, московской и петербургской композиторских школ в условиях музыкальных тенденций XX века, мотив католической богослужебной секвенции *Dies irae*, пронизанный мыслями о роковом пути России, восточность неги, нескончаемость в любви к родине и изгнанничество. Н.К. Метнер – немецкий склад мышления, убежденность в бесконечности потенциала романтического языка, врожденная способность пребывания в «равном общении» с литературными образами А.С. Пушкина и И.В. Гёте как строгое

воплощение русско-немецкого философского диалога и ностальгия по России. А.Н. Скрябин – основанная на немецком идеализме, русском космизме, ряде восточных теософских учений, музыкально-философская идея воздвижения фигуры человека-мессии-творца, приближение к недостижимому мистериальному проекту как вершине историко-культурного пути русского мира. Poleмика славянофильства и западничества в итоге привела к универсальному русскому космизму и возникновению квинтэссентного пространства.

Третий раздел «РУССКИЙ КОСМИЗМ И МУЗЫКА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» сосредоточена на анализе творчества Н.К. Метнера, С.В. Рахманинова и А.Н. Скрябина. Сопоставление Абсолюта, идущего от немецкой идеалистической философии, и трагического разрушения системности в искусстве страшит Метнера хаотичностью движения культуры и показывает возможные последствия вседозволенности в творчестве. Гегелевско-шеллинговский идеализм у Метнера – в размеренном, поэтапном выстраивании творческой Вселенной с исключением бросков в бездну и неупорядоченных, с немецкой точки зрения, устремлений к «пылающему солнцу» как в искусстве Скрябина. Русское мышление Скрябина способно вместить неостановимое стремление в недостижимые миры, существующие вне «немецкой Вселенной», что совершенно невозможно для Метнера, исповедующего обозримость достижимых границ и манифестировавшего пять элементов подлинного искусства – *единство, цельность, свет, духовный идеал, гармония*. Каждый наличествует и у Скрябина, чьи эстетико-философские искания есть *единство*, воплощенное в стремлении к синтетическому искусству с доминирующей ролью музыки. Метнер верил в единственно верный путь творящей души, направленный к *свету*; мироощущение восходило к платонической философии; *свет* – благая энергия, а у Скрябина – одна из сквозных идей, начиная от первых симфоний до «Прометея» и Десятой сонаты. *Духовный идеал* искусства, «лик творчества» Метнера сопоставимы с представлениями Скрябина о человеке-мессии-творце. Отстаивание противодействующей хаосу *гармонии* в Фортепианном квинтете или циклах «Забытые мотивы» в трансфор-

мированном виде присутствует в музыкально-эстетических концепциях Скрябина; затаенно-зарождающееся томление в «Поэме экстаза» достигает вселенского *C-dur* ного аккорда, что есть абсолютная неизменность высшей гармонии. «Прометей» открывается звуками хаоса, а вершится восхождением к *Fis-dur* – консонансу, что особо примечательно, учитывая господствующую диссонансность тритонового мышления.

Творчество для художников и особенно русских – условие бытия и часть истории. Колокольность и долгое развертывание мелодии и как выражение *темы пути* С.В. Рахманинова, интровертированность мышления Н.К. Метнера и несвершенная «Мистерия» А.Н. Скрябина – отражение актов громадной «историко-культурной драмы». Метнер и Рахманинов перешли трагический рубеж, что ощутимо сказалось на мировоззрении; разлука с родиной отсвечивалась неожиданным появлением фольклорных мотивов в «Сказках» op.51 Метнера с посвящением *Золушке* и *Иванушке-дурачку*; Рахманинов в Третьей симфонии *a-moll* подводит итог в изгнании.

Философские представления Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского о космизме имеют различную природу, но именно в искусстве уникальное явление приобрело предельно целостное обличье: подтверждая личную принадлежность к феномену русского мира, А.Н. Скрябин в музыке озарил грани «космического кристалла». Эволюция музыкального языка Скрябина в исследовании представлена как постепенный отказ от привычных романтических, земных аффектов и переход к космическим аффектам. Отдаленные от солнца миры в музыке подобны бесчисленным, нескончаемым частицам – фразы, интонации утопают среди космических шумов. Создается иллюзия уничтожения материальности на пути к полному утопическому господству «неосязаемого»: подчинение мощному духу. Эпизоды поздних пьес словно передают ослабление земной гравитации: сильное ускорение *accelerando* до *presto, molto accelerando* как угасающее притяжение, затем – оцепенение, застылость в невесомости *molto ritardando, ritenuto* – возврат к «колыбели цивилизации» невозможен. Ослабление земного притяжения приводит к

«свободному пребыванию» в космосе; дальние миры, обладающие собственной гравитацией и сильнейшей психологической притягательностью, овладевают сознанием. Приближение – пугает неизведанностью; солнечный свет, некогда ослепляющий в Четвертой и Пятой сонатах, удаляется. Устремленность к солнцу в масштабах бесконечности Вселенной теряет прежнее очарование; сгущаясь, множатся образы терпкой «черноты»: Девятая соната op.68, «Темное пламя» op.73 № 2, Прелюдии op.74. Музыка Десятой сонаты op.70 – едва брезжащее воспоминание о солнце, мерцающем и гаснущем. Затруднительно мгновенно воспринять потаенный смысл мистериального танца «Темное пламя», вобравшего несовместимость: мрак космоса и свечение «уходящего» солнца, подобно неземному горению в поэме «К пламени» op.72.

В **Заключении** диссертации подтверждается **гипотеза исследования** и излагаются основные выводы:

1. *Квинтэссентное пространство* (или *квинтэссентность*) – предлагаемое понятие для обозначения итоговых сочинений русских композиторов второй половины XIX – рубежа XIX–XX вв., выражающих концентрат индивидуально-мировоззренческих устремлений сквозь сопутствующие компоненты формирования русского пути в искусстве: мифологичность, религиозность, историчность, философичность, отчасти мистичность. Толкование индивидуально-мировоззренческой сущности русской музыки, проявившейся во второй половине XIX века в процессуальной целостности на вершине историко-культурного пути России, ознаменованного появлением русского космизма: от П.И. Чайковского, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина и Н.А. Римского-Корсакова до А.Н. Скрябина, С.В. Рахманинова и Н.К. Метнера. Квинтэссентное пространство – возникает вследствие многоуровневого взаимодействия завершающих сочинений указанных композиторов. Квинтэссентность есть пик творчества: сплав индивидуальных черт итоговых произведений обнаруживает сложный «подсознательный диалог» художественных откровений как результат творческого процесса одновременно всех и каждого из творцов.

2. На рубеже XIX–XX вв. русско-немецкий эстетико-философский диалог культур выходит на уровень высочайших обобщений: взаимообогащение позволяет представить своего рода русско-немецкую картину мира, где присутствовали фигуры, оказавшиеся равновеликими для России и Германии; но среди творцов, вовлеченных в культурную интеграцию, предпочтительно выделить два «объединения», и главенствующим фактором различимости следует обозначить роль философии, определяющую мировоззрение художника. Огромное значение имеет само отношение к процессу творчества, отсутствие или доминирование особой манифестированности создания. Радикализм, новаторство, философия в творчестве, жизнетворчество и историотворчество: когорта русских «новаторов» – Ф.И. Тютчев, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, М.А. Врубель, А.Н. Скрябин, И.Ф. Стравинский – в последней трети XIX – рубеже XIX–XX вв. «воссоединились» с фигурами Р. Вагнера, Р. Штрауса, А. Шенберга, Т. Манна, Г. Гессе. Следование традициям, рафинированность, детализация мельчайших движений души: И.С. Тургенев, И.А. Бунин, С.В. Рахманинов, Н.К. Метнер и И. Брамс, Г. Малер, С. Цвейг – «объединение» отстаивающих каноны. Немногим удалось воспротивиться огненной волне революционной соблазнительности надвигающегося нового искусства. Остаться верным основам художественного самовыражения, что необходимо для воззвания к вечным ценностям – центральное устремление.

3. В процессе окончательного ослабления доминирующей роли соборности индивидуальность трансформируется в истовое стремление обозначить собственное Я. Особенное значение имеет, возведенный К.Д. Бальмонтом, грандиозный квартет гениев – Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, М.А. Врубель, А.Н. Скрябин – каждый восстал против соборного уравнивания. Стремительное нарастание художественной индивидуальности предопределило появление квинтэссентного пространства. Русская музыка к концу XIX века предстает как процессуальная целостность. Объединяющая закономерность лежит в основе внешней непохожести композиторов второй половины XIX – рубежа XIX–XX вв. – мировоззренческий универсум оказывается единоподобным. Единение

гениальных творцов – в подсознательном стремлении приблизиться к решению масштабной надмузыкальной сверхпроблемы национального самоопределения России.

4. На рубеже XIX–XX вв. музыкальная культура предстает в русском космизме важным элементом выражения предельных, словесно непередаваемых смыслов. Однако наблюдается внутреннее разделение «космичности» в музыке. Первичное ядро – славянский космос, воплощенный М.И. Глинкой в «Руслане и Людмиле», продолженный Н.А. Римским-Корсаковым в «Садко», «Снегурочке», «Младе» и особенно в «Сказании о невидимом граде Китеже и девице Февронии», последних неосуществленных замыслах. Космизм Римского-Корсакова изначально основан на мифологическом и религиозном компонентах, что в итоге привело к воссоединению философии с религией, истории с мифом. Результат экстраполяции на русский мир немецкой идеалистической философии с антропоцентризмом – гегелевских, шеллинговских на рубеже XVIII–XIX вв., а затем и ницшеанских концепций на рубеже XIX–XX вв. в период ослабления соборности с последующим господством индивидуальности на волне богочеловеческих идей Вл.С. Соловьева, философии «Общего дела» Н.Ф. Федорова – космизм А.Н. Скрябина со стремлением в недостижимые миры Вселенной. Дерзновенные идеи А.Н. Скрябина произрастали из XIX века, поэтому наиболее инновационный футуристический космизм – «Победа над Солнцем» М.В. Матюшина. Антиромантическая, антиклассическая концепция в 1920-х гг. затеряется среди еще более нетерпимых к прошлым эпохам манифестаций радикализма. Образец «чистого» религиозного космизма с долгопребыванием в храмовой гармонии – духовные произведения А.Д. Кастальского, П.Г. Чеснокова, А.В. Никольского, А.Т. Гречанинова, М.М. Ипполитова-Иванова; «Литургия Святого Иоанна Златоуста», «Всенощное бдение» С.В. Рахманинова. Начало XX века до 1917 года – наиболее парадоксальный период: одновременно существуют идеалы, порой совершенно противоположные, но вышедшие из общих национальных корней.

5. Идея мистериального переворота не только на философско-мистической почве, но и на религиозном, историческом и мифологическом фундаментах

привела к космизму, вобравшему идеи мессианства и мистериальности, ибо «Мистерия» Скрябина – утопическая программа-концентрат русского мира. Если «Могучая кучка» основана на идее единотворчества только как ответ соборности, то вселенская «Мистерия» – парадоксальное воплощение соборности: синтез гипертрофированного индивидуализма и всемирной коллективности, что по принципиальным позициям «антисоборно».

6. Полемика славянофилов и западников на протяжении XIX века привела к появлению в музыкальном искусстве творцов, выразивших в начале XX века итог основополагающих элементов долговременного спора о русском пути: А.Н. Скрябин – концентрат романтической западноевропейской выразительности с русской тягой к чрезвычайности; Н.К. Метнер – вершина русско-немецкого диалога культур в музыке; С.В. Рахманинов – гармония традиций московской и петербургской композиторских школ.

7. Русско-немецкий философский диалог в равной мере отразился на творчестве А.Н. Скрябина и Н.К. Метнера, однако в принципиально противоположных сферах. Германское сущностное ядро убеждений Метнера о «классических» основах высказывания музыкальной мысли выразилось в неприятии новых композиторских стилей, сложившихся в «поствагнеровский период». Провозглашение защиты основ «подлинного» музыкального искусства есть преодоление хаоса в творческом космосе – пребывании в метафорической эмиграции, вечном русском мире, где будто «не произошло» революции 1917 года.

Идеи русских философов и ученых-натуралистов содержат разноликую трактовку феномена русского космизма; опираясь на размышления Н.Ф. Федорова, Вл.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, подтверждается отсутствие единой научной системы космической философии в пользу объяснения явления космизма как принципа мышления, и именно искусство А.Н. Скрябина вбирает и «систематизирует» комплекс определяющих черт индивидуальных космических концепций русских мыслителей. На основании рассмотренного полного музыкального наследия Скрябина

становится очевидна трансформация образности, постепенно выходящей за пределы исходной романтической сферы чувствований и приближающейся к недостижимым мирам: от земного комплекса аффектов – самоутверждение, порывность, экстатический восторг – к космическому: вселенское бытие в вечном стремлении в бесконечность.

Публикации по теме диссертации в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Топилин, Д.И. Русский немец – Юрий Карлович Арнольд / Д.И. Топилин // Музыка и время. – 2016. – № 6. – С. 32–36.
2. Топилин, Д.И. Александр Николаевич Скрябин: к «недостижимым мирам» / Д.И. Топилин // Музыкаведение. – 2016. – № 6. – С. 39–45.
3. Топилин, Д.И. «Творческий космос» Н.К. Метнера / Д.И. Топилин // Музыкаведение. – 2017. – № 2. – С. 12–16.
4. Топилин, Д.И. «Русская идея» в музыкальной культуре рубежа XIX–XX веков / Д.И. Топилин // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. – 2017. – № 4 (23). – С. 61–69.

**Публикации по результатам выступлений
на Всероссийских и Международных конференциях:**

1. Топилин, Д.И. «Греческий проект» Ю.К. Арнольда / Д.И. Топилин // Музыка в современном мире: культура, искусство, образование. Материалы IV Международной научной студенческой конференции, 26–27 ноября 2014. – М. : Российская академия музыки имени Гнесиных, 2015. – С. 143–152.
2. Топилин, Д.И. А.Н. Скрябин – Н.К. Метнер: к осмыслению русско-немецких художественных взаимодействий / Д.И. Топилин // Музыка в современном мире: культура, искусство, образование. Материалы V

Международной научной студенческой конференции, 25–26 ноября 2015. – М. : Российская академия музыки имени Гнесиных, 2016. – С. 162–169.

3. Топилин, Д.И. Некоторые грани философии русского космизма в художественном мире А.Н. Скрябина / Д.И. Топилин // Философия и искусство. Материалы V Международной научной конференции. – М. : Российская академия музыки имени Гнесиных, 2016. – С. 160–164.

4. Топилин, Д.И. Космическая философия в музыке А.Н. Скрябина / Д.И. Топилин // Ученые записки. Материалы Международной научной конференции «Скрябин в художественном контексте эпохи», 25–27 апреля 2017. – М. : Мемориальный музей А.Н. Скрябина, 2018. – Вып. 9. Кн. 1. – С. 10–16.

5. Топилин, Д.И. Космос А.Н. Скрябина / Д.И. Топилин // Ученые записки. – М. : Мемориальный музей А.Н. Скрябина, 2019. – Вып. 9. Кн. 2. – С. 10–20.

Публикации в периодических научных изданиях:

1. Топилин, Д.И. Русский космизм в музыке А.Н. Скрябина / Д.И. Топилин // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. – 2016. – № 2 (17). – С. 43–48.

2. Топилин, Д.И. «Русско-немецкий диалог» философских идей: А.Н. Скрябин – Э.К. Метнер – Рихард Вагнер / Д.И. Топилин // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. – 2017. – № 1 (20). – С. 46–53.